

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра теоретической и социальной философии

Печилина Анастасия Олеговна

Мифологизация жизненного мира в обществе риска

НАУЧНЫЙ ДОКЛАД ОБ ОСНОВНЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ
ПОДГОТОВЛЕННОЙ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ
(ДИССЕРТАЦИИ)

аспирант 3-го года обучения направления 09.00.11 Философия, этика и
религиоведение (направленность «Социальная философия»)
философского факультета Печилина Анастасия Олеговна

Научный руководитель
профессор кафедры
теоретической и социальной философии
доктор философских наук _____ В.Б. Устьянцев

Заведующий кафедрой
доктор философских наук, профессор _____ В.Б. Устьянцев

Саратов 2019

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Жизненный мир – одна из интереснейших и актуальных тем в философии. С происходящими изменениями в обществе преобразуется и сам жизненный мир, он имеет свои особенности, соответствующие каждому типу общества. Современный этап развития общества ученые по-разному охарактеризовывают, но автора данного исследования интересует именно общество риска и специфика жизненного мира в данном обществе.

Сложные трансформационные процессы в современном мире, приведшие к переходу общества в стадию общества риска, влияют на целостность жизненного мира индивида. Для адаптации к быстроменяющимся условиям социального бытия индивид прибегает к мифу. Формирование информационного общества и возрастающее влияние электронных средств массовой информации на мировоззрение, и систему ценностей людей, способствовали реанимации мифа как важнейшего компонента системы управления общественным сознанием. Особенную значимость миф приобретает в периоды трансформационных преобразований, выступая в качестве одного из ключевых средств конструирования идентичности и системы ценностей, сохранения и воспроизводства социального порядка.

Проблема мифологизации жизненного мира заняла одно из главных мест в современной социальной философии. Миф теряет свою сакральность и переходит в профанную действительность, многие мифы искусственно создаются, что также отражается на жизненном мире. В то же время индивид пребывает в состоянии неопределенности, в неуверенности в завтрашнем дне, он окружен рисками, и для достижения состояния комфорта, его жизненному миру просто необходимо создать миф. Из вышесказанного вытекает необходимость осмысления влияния мифа на жизненный мир в условиях общества риска

Степень научной разработанности темы исследования: Миф интересовал философов со времен античности.

Начало системных исследований и современных интерпретаций мифа можно отнести к эпохе Просвещения, к работе Дж. Вико «Основания новой науки об общей природе наций»¹. Последующие мыслители эпохи Просвещения - Б. Фонтенель, Ф. Вольтер, Ш. Монтескье рассматривали миф как разновидность и результат суеверия и обмана. Как художественное отражение социального бытия рассматривали миф Н. Макиавелли, Д. Дидро, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Л. Фейербах, К. Маркс и др. Способствовали началам поиска истоков мифа в социальной среде и началу исследования собственно социального мифа труды Ф. Ницше, и В. Вундта.

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. М.-Киев: REFL-book -ИСА. 1994. 656 с.

Г. Лебон² и Г. Тард исследовали миф в политической сфере (впоследствии миф как политическую идеологию продолжили исследовать Р. Барт, Э. Кассирер, К. Мангейм, В. Парето, К. Флад, Г. Шиллер и др.).

Первыми социальный миф как продукт и важную составляющую человеческой психики начал рассматривать З. Фрейд. К.Г. Юнг, продолжая дело своего учителя, ввел в проблему исследования социального мифа понятие «коллективного бессознательного», что существенно расширило проблему, спроецировало ее на общественное сознание и способствовало развитию ее современного направления.

Одним из классиков исследователей мифа считается К. Леви-Стросс, основатель целого направления, названного впоследствии структурализмом.

Его идейным оппонентом считается Л. Леви-Брюль, исследовавший миф с позиции психологии и исторической эволюции.

Также классическими в изучении проблемы социального мифа считаются труды Ж. Сореля, исследовавшего социальный миф именно с социально-философских позиций. Ж. Старобинский предложил различать «профанный» и «древний сакральный» миф³.

Из представителей русской философии, первыми обратившимися к изучению проблемы социального мифа, можно назвать имена К.Н. Леонтьева⁴, Л.А. Тихомирова⁵, а также Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.А. Ильина, Н.И. Кареева, Л.П. Карсавина, В.Я. Проппа и др.

Отдельно следует упомянуть труды А.Ф. Лосева⁶, во многом способствовавшие становлению сегодняшнего взгляда на проблему социального мифа.

Из современных социальных теоретиков социокультурные истоки и связи социального мифа с общественным сознанием исследовали А.С. Ахиезер, П.С. Гуревич, Г.Г. Дилигенский, Е.М. Мелетинский, В.М. Пивоев, П.А. Плютто, Е.В. Раздьяконова⁷, а также Н.С. Автономова, Б.А. Грушин, Л.Г. Ионин, С.Г. Кара-Мурза, Г.В. Осипов, М.И. Стеблин-Каменский, А.К. Уледов, О.М. Фрейденберг. В разработке современной методологии исследования социального мифа важную роль сыграли концепция «естественного реализма» А.Н. Книгина⁸ и «модальной

² Лебон Г. Психология масс. Мн.: Харвест, М.: АСТ. 2000. 320 с. 5

³ Старобинский Ж. «Мифы» и «мифология» в ХУП-ХУШ веках // Поэзия и знание: История литературы и культуры. В 2-х тт. Т. 1. М.: Языки славянской культуры. 2002. 485 с.

⁴ Леонтьев К. Н. Избранное: очерки, эссе. М.: Рарогъ, Московский рабочий. 1993. 397 с.

⁵ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М.: ГУЛ «Облиздат», ТОО «Алир». 1998. 672 с.

⁶ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический Проект. 2008. 303 с.

⁷ Ахиезер А.С. Цивилизационный выбор России и проблема выживаемости общества // Россия и современный мир. 2002. №2. С. 83-104.; Гуревич П.С. Социальная мифология. М.: Мысль. 1983. 175 с.; Дилигенский Г. Г. Социально-политическая психология. М.: Наука. 1994. 304 с.; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 2000. 407 с.; Плютто П. А. Иллюзии аутентичного мифа: революция и литература // Вопросы философии № 12. 2007. С. 28-40.; Пивоев В. М. Миф в системе культуры. Петрозаводск: Пф ЛОЛГК. 1991. 216 с.; Раздьяконова Е. В. Онтологическая функция мифа: миф как бытийная связь между «мифосом» и «логосом» // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 317. № 6. С. 153-156.

⁸ Книгин А. Н. Учение о категориях. Томск: ТГУ. 2002. 185 с.

методологии» Д.Б. Зильбермана⁹. Саратовская школа изучения мифа представлена С.В. Тихоновой и И.А. Афанасьевым.

Современные зарубежные исследователи социального мифа, описывающие миф в различных аспектах: Т.В. Адорно, Е. Анчел, Ж. Апостолидес, З. Бауман, Г. Блике, Р. Боулби, А. Виннер, М. Детьен, С. Жижек, Л. Крицман, М. Козловски, Дж. Кэмпбелл, Б. Лернер, Б. Малиновский, С. Московичи, Д. Сисс, Дж.-Дж. Фрэзер, М. Фэрро, М. Хоркхаймер, К. Хюбнер, К. Шмитт, О. Шпенглер, Д. Эделстейн, М. Элиаде, Э. Юнгер¹⁰ и др.

Проблемы общественного и массового сознания описаны в трудах В.В. Амелиной, Ю.Г. Волкова, Д.В. Дондуря, М.К. Мамардашвили, М.Б. Маринова, А. М. Пятигорского, Л.Г. Судас, Ж.Т. Тощенко и др.

Проблемами современного социального мифа, мифотворчества, технологий создания социального мифа, идеологического манипулирования занимаются И.Б. Ардашкин, Н.И. Березина, Б.В. Бирюков, А.Л. Валевский, Ю.В. Даниленко, С.А. Зелинский, Р.А. Зобов, Н.Н. Карпицкий, В.Н. Келасьев, Э.А. Коблева, А.Н. Кольев, Б. В. Кондаков, Т. А. Корниенко, А.В. Косов, М. А. Краснов, А.С. Лебец, С.Ю. Неклюдов, А. Май, С.А. Маничев, С.А. Маленко, О. Н. Стрельник, М. М. Ступин, А.Н. Сулимин, П.В. Павлов, В.Г. Полосин, С. Ю. Разин, С.В. Тихонова, А.С. Топорков, И.М. Чудинов, Ю.В. Шаев, Н.И. Шестов, В.А. Шнирельман, Л.В. Шукшина, Н.В. Шульга, М.В. Щеглик¹¹ и др.

Проблему ремифологизации общественного сознания исследовали Е.Е. Несмеянов, Е.Б. Ивушкин.

Феноменологической интерпретацией социального мифа занимались Э. Гусерль, Э. Левинас, М. Хайдеггер (современные отечественные исследователи — О.Д. Агапов, И. Н. Инишев, В.И. Молчанов, О. С. Осадченко, Р. Д. Ушканова, И.В. Юрченко¹² и др.).

⁹ Гурко Е. Н. Модальная методология Давида Зильбермана. Минск: Экономпресс. 2007. 456 с.

¹⁰ Винер А. Великолепный миф: формы управления в постиндустриальном обществе. М.: МГСУ. 1996. 155 с.; Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М.: Европа. 2008. 516 с.; Элиаде М. Космос и история: Избранные работы. М.: Прогресс. 1987. 312 с.

¹¹ Бирюков Б. В. Социальная мифология, мыслительный дискурс и русская культура // Сб. «Homo legends». Человек читающий. Вып. 2, М.: М-во культуры РФ, Рос. ин-т культурологии. 2000. С.87-122.; Зобов Р. А., Келасьев В. Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации / Под общей редакцией В. Н. Келасьева. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1997. 315 с.; Маленко С. А. Принципы архетипичного осуществления мифа // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311 №7. С. 19-22.; Разин С. Ю. Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // Власть. 2009. №2. С. 106-110.; Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие // Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова М.: АИРО-XX, 2000. 216 с.; Шестов Н. И. Политический миф теперь и прежде / под ред. А. И. Демидова. М.: ОЛМА-ПРЕСС. 2005. 414 с.; Шукшина Л. В. Генезис социально-философского осмысления проблемы социальных иллюзий // Философия и проблемы гуманитарного знания. № 2. 2009. С. 485-2.; Шульга Н. В. Мифологема в структуре массового политического сознания: дисс. кандидата философских наук: 09.00.11 Омск, 2006. 175 с.

¹² Агапов О. Д. Феноменология: от анализа сознания к анализу социального бытия // Вестник Чувашского университета. 2009. №1. С. 103-112.; Инишев И. Н. Интенциональность и очевидность: истоки трансцендентальной феноменологии Гуссерля // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 311. №7. С. 84-88.; Осадченко Ю. С. Миф как конфигурация опыта сознания — возможности экзистенциально-феноменологической тематизации // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308. № 4. С. 200-204.

Семиотическое направление исследование социального мифа представлено в трудах Э. Бенвениста, Ю.М. Лотмана¹³, Ч. Морриса, Ч. Пирса, М.М. Бахтин, М.Ю. Реутина и др.

Ценностный подход к исследованию проблемы социального мифа представлен в трудах М. Вебера, В. Виндельбанда, Р.Г. Лотце, Х.Р. Нибура, Х. Патнема, Р. Перри, Г. Риккерта, Ж.-П. Сартра, Н. О. Лосского, Р.Г. Апресяна, И.А. Беляева, Н. В. Буковской, Т. Е. Ворожейкиной, Б.Л. Губмана, А.А. Гусейнова, И. М. Дьяконова, А. А. Ивина, С. А. Кизима, О. В. Колесовой, Л. Е. Лаптевой, Э. С. Маркаряна, А. М. Миграняна, Ю.И. Мирошникова, Б. В. Маркова, А. А. Никишенкова, Е. Д. Павловой, И.В. Следзевского, В. А. Тишкова, С. А. Токарева, И. В. Фролова, А.Ю. Шевякова, А. Ю. Шадже, В. Ф. Шелова-Коведяева, Ю. А. Шрейдера и др.

К обобщающим и глубоким исследованиям риска в первую очередь относятся работы таких авторов, как У. Бек, Э. Гидденс и Н. Луман.

В работах У. Бека риск рассматривается как результат модернизации при переходе от индустриального общества к обществу риска, в котором риск становится детерминирующим фактором социальной среды. Э. Гидденс, развивая эту концепцию, анализирует риск как элемент глобализационных процессов. И. Луман обращается к онтологическим основаниям изучения риска и поднимает проблему отношения риска и рациональности.

Понимание риска как способа деятельности, выходящего за рамки нормы, потребовало обращения к работам М.И. Бобневой, В.Ф. Курлова, Т.А. Колесниковой и М.Д. Матюшкиной, Е.Э. Смирновой, в которых анализируется понятие социальной нормы.

Исследование того, как изменяется «пространство» рискованного действия при переходе от традиционного общества к современному, обусловило интерес к работам З. Баумана, А.П. Бандурина, П. Бергера, Ю.Г. Волкова, М.К. Горшкова, В.Е. Золотухина, Н. Козловой, С. Латуша, М.Б. Маринова, В.Н. Шевелева, П. Штомпки, В.Г. Федотовой¹⁴.

Саратовская философская школа, занимающаяся проблемой риска, представлена следующими авторами: В.Б. Устьянцев, Д.А. Аникин, С.А. Данилов, Д.И. Заров, М.О. Орлов.

Авторство концепта «жизненный мир» (Lebenswelt) принадлежит Э. Гуссерлю. Первоначально он использовался Э. Гуссерлем в контексте

¹³ Лотман, Ю. М. Семиосфера. - С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.

¹⁴ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. Бандурип А.П. Социальная регуляция: рациональное и иррациональное / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005; Волков Ю.Г. Социология. М.: Альфа - М; ИНФРА-М, 2010; Горшков М.К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011; Золотухин В.Е. Имитация: болезнь общества или его судьба? - Вестник российского философского общества, 2006, №4; Козлова И. Социально-историческая антропология. - [Электронный ресурс] - 2011. - Режим доступа: <http://s-stud.ru/workhtml/lookfull.litml>; Маринов М.Б. Стратегия жизни личности в индивидуализирующемся обществе: дис. на соиск. уч. степ. докт. филос. наук. Ростов н/Д, 2008. - 376с; Шевелев В.Н. Антропология модернизации: Россия между Западом и Востоком. Ростов н/Д.: Изд-во ЮФУ.2009.; Штомпки П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005; Бергер П. Капиталистическая революция (50 тезисов о процветании, равенстве и свободе). - [Электронный ресурс] - 2010. - Режим доступа: <http://libelli.nl/filosfxx/bergerp.litm>; Федотова В.Г. Хорошее общество. М.: Прогресс - Традиция, 2005.

философии математики, а в последствие был распространён на всю область его теоретико-методологических исследований. В поздней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1937) Э. Гуссерль первым среди профессиональных методологов науки поставил вопрос о смысловых предпосылках новоевропейского естествознания, поместив его в антропологическое измерение культуры. Охватывая в своём исходном значении лишь смысловые импликации (горизонт) научного знания, понятие жизненного мира в дальнейшем приобрело вид стратегической линии культурфилософских исследований. М. Шелер построил своеобразную феноменологию жизненного мира как «*ordo amoris*», конституированного космологически фундированными актами любви и ненависти. М. Шелер разрабатывал идею обусловленности жизненного мира человека иерархической структурой смыслового универсума, в котором высшие позиции занимают религиозные ценности в силу их фундаментальной космологической феноменальности.

В русле экзистенциально - антропологической традиции наиболее важные исследования жизненного мира принадлежат Х. Ортеге - и - Гассету, М. Хайдеггеру и Ж.-П. Сартру. Детальную разработку проблематики жизненного мира проводил А. Щюц, осуществивший синтез идей М. Вебера и Э. Гуссерля на основе созданной им социальной феноменологии. На формирование его предметных и методологических приоритетов в этой области определённое влияние оказала антропологическая традиция, идущая от У. Джеймса, Ч. Кули и У. Томаса. Аналогичную мировоззренческую программу реализовала Чикагская школа социологии, на основе которой возник символический интеракционизм Дж. Мида и Г. Блумера - своеобразное социально-психологическое направление в исследованиях смысловых структур жизненного мира.

В работах А. Щюца (прежде всего, «Структуры жизненного мира» - дополнена и издана Т. Лукманом) жизненный мир отождествлялся с повседневностью, что в дальнейшем стало своеобразной нормой в интерпретативной социологии. К последователям А. Щюца, унаследовавшим его интерес к изучению структур жизненного мира, принадлежат П. Бергер и Т. Лукман (феноменологическая социология знания), Г. Гарфинкель (этнометодология), А. Сикурел, Э. Гоффман (концепция «социальной драматургии»). В социально-феноменологическом ключе эту традицию исследовали и развивали Л.Г. Ионин, И.А. Бутенко, Н.М. Смирнова, Е.Д. Руткевич, А.В. Худенко, Л.Д. Гудков, А.А. Магомедова, Д.Ю. Меркулова, Х. Абельс, И. Вайс, Б. Вальденфельс.

Большую роль в актуализации современного интереса к теме повседневной жизни сыграли труды представителей школы «Анналов»: М. Блока, Л. Февра, Ж.Ле Гоффа, Ж. Дюби.

Цель исследования: социально-философское исследование сущности мифологизации жизненного мира в обществе риска.

Объект исследования: жизненный мир в обществе риска.

Предметом диссертационного исследования является мифологизация жизненного мира в обществе риска.

Достижение выдвинутой цели в диссертации обусловлено решением следующих **задач**:

- Проанализировать структуру жизненного мира и его роль в социальной философии;
- Раскрыть особенности жизненного мира в традиционном и индустриальном обществах;
- Выявить характерные черты, присущие жизненному миру общества риска;
- Рассмотреть специфику мифологем общества риска;
- Осмыслить роль мифологизации жизненного мира в обществе риска.

Методологические и теоретические основания диссертационного исследования

Теоретическую базу диссертационной работы составляют исследования отечественных и зарубежных философов. Наиболее важными мировоззренческими источниками диссертации стали сочинения Э. Гуссерля, А. Шюца, К. Леви - Стросса, Гуревича П.С, У. Бека.

Используется историко-философский метод, позволяющий выявить основания рассмотрения феномена «мифологизация жизненного мира», также установить основные предпосылки для его исследования в обществе риска. Для установления специфики современных теоретических подходов применяется метод компаративистского анализа социально-философских концепций и направлений. Диалектический метод применяется для выявления процесса мифологизирования жизненного мира.

Научная новизна

1. Основываясь на истории философской мысли, выведено авторское понимание концепта «Жизненный мир».
2. Соотнесены понятия мифологизация и жизненный мир, проанализировано взаимоотношение этих понятий.
3. В результате исследования проанализированы особенности мифологизации жизненного мира в традиционном и индустриальном обществах.
4. Выявлены характерные черты, присущие жизненному миру общества риска.
5. Определено влияние мифологизации на жизненный мир в обществе риска.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Жизненный мир – изначально данный мир повседневности, отображенный в мыслях и действиях индивида, переживаемый им в качестве реальности.
2. Миф и жизненный мир взаимопроникают друг в друга, это соединение сакральной и профанной реальности. Миф являет себя частью жизненного мира индивида. Мифологизация жизненного мира имеет две стороны. С одной стороны, жизненный мир наполняется мифами, на

поверхность выходят архетипические образы. С другой, отрицательной стороны, современные мифы искажают реальность, совершают подмены образов.

3. Миф является основным объяснением окружающей действительности в традиционном обществе, и начинает сдавать свои позиции в индустриальном обществе с приходом знаний. Миф представляет собой сакрализованную историю для архаичного человека, но постепенно утрачивает свою сакральность для представителей индустриального общества. Миф и есть жизненный мир для человека архаики, а для индустриального человека миф с жизненным миром уже делимы. Высока роль традиционных ценностей: семья, дом, закреплённых в мифе. Миф являет собой доверие, а доверие – это категория жизненного мира.

4. Жизненный мир общества риска обладает характерными особенностями: 1. Риск становится ценностью; 2. Обилие не систематизированной информации создаёт благоприятную среду для риска; 3. Внутренняя напряжённость жизненного мира; 4. Во временном аспекте направленность на будущее: стремление минимизировать или использовать риск с целью накопления благ; 5. В пространственном аспекте: расширение границ жизненного мира в результате глобализации; 6. Стремление к новым ценностям, и одновременно необыкновенная тяга к традиционным ценностям.

5. Раздвоение жизненного мира на мир реальный и виртуальный, которое можно преодолеть при помощи мифа, выполняющего соединительную функцию. Перенасыщенность информацией порождает потребность в мифе как конструкте знания. Присутствие лже – мифов бессмертия в жизненном мире молодого поколения продуцирует рискогенные ситуации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость работы заключается в глубоком и систематизированном понимании жизненного мира, способности мифа влиять на трансформацию жизненного мира в условиях общества риска.

Материалы и результаты диссертации расширяют и углубляют философский научно-категориальный аппарат. Содержание и выводы исследования могут найти применение в общетеоретических и специальных курсах философии, в частности, по проблемам социальной философии. Возможно использование основных идей диссертационного исследования в курсах по социальной рискологии, философии культуры. Основные идеи диссертации могут быть использованы при составлении учебных и учебно-методических пособий по философии, культурологии, социологии.

Апробация научного исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования были изложены в докладах и выступлениях на научных конференциях, форумах и круглых столах различного уровня, среди которых:

1. Ежегодная всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Научно-образовательное

пространство университета в XXI веке» (Саратов, Саратовский государственный университет, 3 декабря 2010 г.); Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты) (Пенза, 11 апреля 2011 г.); Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия (Новосибирск, 25 апреля 2011 г.); Пименовские чтения: Секция 9 «Переходное общество и человек: духовность, риски, ценности» (Саратов, Саратовская православная духовная семинария, 9-10 декабря 2016г.); Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых «Диалог культур в глобальном обществе риска» (Саратов, Саратовский государственный университет, 12 февраля 2013 г.); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам «Общество. Человек. Риски» (Саратов, Саратовский государственный университет, 14 – 16 февраля 2017 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Общество риска в XXI веке: топосы, дискурсы, ценности» (Саратов, Саратовский государственный университет, 24 апреля 2017 г.); Межвузовский круглый стол, посвященный Международному дню философии «Философия в современном мире» (Саратов, Саратовский государственный университет, 15 ноября 2018 г.); Шестнадцатые межрегиональные образовательные Пименовские чтения: Секция 6 «Ценностный мир человека: пространство свободы, справедливости, ответственности» (Саратов, Саратовский государственный университет, 15 декабря 2018 г.); Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам: Секция 1 «Социальная философия» (Саратов, Саратовский государственный университет, 26 февраля 2019 г.).

Структура работы обусловлена задачами исследования.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав (пяти параграфов), заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается выбор и актуальность темы диссертационного исследования, показывается степень научной разработанности проблемы, определяются предмет, объект, цель и задачи исследования, дается характеристика методологических подходов и методов научного исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, демонстрируется научная новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Генезис концепции жизненного мира в пространстве мифов» проводится историко – философский анализ концепта «жизненный мир», устанавливается соотношение ценностного и социально – философских аспектов жизненного мира. В связи с чем, автор приходит к собственному пониманию данного концепта, как изначально данного мира повседневности, отображенного в мыслях и действиях индивида,

переживаемого им в качестве реальности. Затем проводится анализ жизненного мира в традиционном и индустриальном обществах, и выявляется роль мифа в формировании жизненного мира индивида данных обществ.

Первый параграф «Жизненный мир как особая социально – философская концепция».

Понятие «Жизненный мир» впервые появляется у Э. Гуссерля в «Картезианских размышлениях». Он видит преодоление «кризиса европейских наук» и краха рационального мышления в создании новой «науки о духе», предметом которой является жизненный мир – фундаментальный слой сознательной деятельности. Так, жизненный мир является суммой непосредственных очевидностей, которые задают формы ориентации и человеческого поведения. Такие очевидности выступают дофилософским, донаучным, первичным в логическом плане слоем любого сознания, являясь базисом, условием возможности принятия индивидом поведенческих установок. Таким образом, жизненный мир – это сфера того, что известно всем, что очевидно, область уверенностей человека, которые приняты в качестве безусловно значимых и практически апробированных оснований. Жизненный мир есть исток всякой проблематики и рефлексии, именно от жизненного горизонта может отталкиваться сознание в каждом акте своей интенциональной деятельности.

Согласно Шюцу, жизненный мир – это донаучный и вненаучный мир, предшествующий научно – теоретическому миру, который представляет собой его «опредмечивание». Именно в жизненном мире сокрыты очевидности, обеспечивающие доступ к реальности. Жизненный мир, в отличие от науки, где мир как нечто объективное противопоставляется человеку как субъекту, предполагает смещение разрыва между субъектом и объектом: это мир, складывающийся из intersubjectивных отношений между людьми, где в ходе непосредственных контактов между индивидами вырабатываются лично окрашенные значения, которыми наделяются социальные процессы. В то же время, в качестве донаучного, жизненный мир представляет собой мир естественной установки – «наивную» точку зрения находящегося в конкретной ситуации «я». Анализируя естественную установку, Шюц отмечает следующие характеристики повседневной жизни. На уровне социальной реальности, в живом потоке интенциональностей мир переживается человеком в терминах типического. Жизненный мир состоит из рутинных действий, языковых конструкторов, посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают о нем. Такие знания о мире представляют собой набор типических конструкторов, которые направляют и определяют понятность социальных ситуаций.

По Шюцу есть два правила социальной жизни, на которых основывается непосредственное понимание жизненного мира. Первое из них – правило «взаимодополнительности перспектив». Это означает, что для того чтобы люди одинаково воспринимали окружающий мир, они должны уметь встать на точку зрения другого и понять друг друга. Данное правило исходит

из представления, что поток социальных явлений имеет одно и то же содержание для всех индивидов. Изменение мест не влияет на способы переживания мира. Второе допущение - «конгруэнтности релевантностей» - предполагает, что интерпретации социальных явлений индивидами совпадают. Только при соблюдении этих двух допущений общий для индивидов жизненный мир может интерпретироваться одинаковым образом.

Жизненный мир представляет собой то, что делает возможным коммуникацию и предоставляет индивидам возможность понимать друг друга. Интерпретация смыслов в процессе общения возможна только в случае наличия контекста, то есть того, что воспроизводится в культурной традиции и также входит в область жизненного мира. В этом смысле для человека язык, обеспечивающий его мышление, так же является одним из компонентов жизненного мира, который задает границы этого мышления и определяет его возможные пределы.

Проанализировав понятие «жизненный мир» в историко – философском контексте, можно предложить авторское определение данного феномена: это изначально данный мир повседневности, отображенный в мыслях и действиях индивида, переживаемый им в качестве реальности.

Второй параграф «Мифологизация жизненного мира в традиционном и индустриальном обществах».

Жизненный мир включает в себя понятия: повседневность (например: ежедневные ритуалы, сплетни и т.д.), жизненное пространство, и обладает очень важной характеристикой историчность. Парадоксом повседневности является постоянное обновление: каждый новый день приносит изменения в повторяющиеся ритуалы. Это можно назвать проявлением мифологизации жизненного мира.

Для архаического человека миф, созданный коллективным разумом своей общины, и был жизненным миром, в нем была отражена вся действующая система ценностей. У современного человека так же существует большое количество мифов, имеющих сложное многоступенчатое развитие, и порожденных как группами людей, так и всего одним человеком. Эти мифы содержат в себе новые представления о ценностях, которые в свою очередь оказывают влияние на жизненный мир. На каждой ступени развития мифа ценность приобретает новые, характерные для данной группы создателей смыслы. К примеру, при определенных исторических условиях появляется необходимость мифологизации ценности человеческой жизни для свершения каких – либо исторических событий.

Миф является основным объяснением окружающей действительности в традиционном обществе, и начинает сдавать свои позиции в индустриальном обществе с приходом знаний. Миф представляет собой сакрализованную историю для архаичного человека, но постепенно утрачивает свою сакральность для представителей индустриального общества. Миф и есть жизненный мир для человека архаики, а для индустриального человека миф с жизненным миром уже делимы. Высока роль традиционных ценностей: семья, дом, закрепленных в мифе.

Одним из феноменов жизненного мира является категория доверия, как доверия между индивидами, так и доверие к самому себе, доверие к событиям, и так далее. Миф - это одна из форм доверия, следовательно, он принадлежит пространству жизненного мира¹⁵, действует изнутри. Миф являет собой доверие, либо своим личным чувствам, эмоциям, эффектам, либо принадлежащим и пережитым другим индивидом. Архаический человек был более склонен доверять природе, жрецам, шаманам и властителям, предлагающим мифологическое описание мира.

Мифологичность мира человека архаики на первый взгляд совсем не видна, поскольку сферой жизни такого человека и был миф, а для современного жизненного мира мифологичность приобретает более выраженный характер, поскольку она подвергается осмыслению индивидом, вышедшим из крепких «объятий» мифа.

«Способность общества к мифотворчеству, скорее, показатель не его болезни, а, наоборот, духовного и психологического здоровья, его нормальной реакции на меняющиеся социальные условия, его способности творчески воспринимать меняющуюся действительность и психологически приспособляться к ней»¹⁶, следовательно, мифологизация жизненного мира выступает как своего рода защитная психологическая реакция на изменения условий жизни.

Во второй главе «Мифологизация жизненного мира в обществе риска» автор рассматривает жизненный мир, присущий индивиду «общества риска», выделяет особенности жизненного мира, появляющиеся в условиях наполненного рисками бытия индивида. В этой связи автор приходит к выводу, что для комфортного вписывания человека в рисковую среду, требуется миф сакральный, либо профанный. Миф соединяет жизненный мир, разделенный на части: виртуальную и реальную, снимает напряженность наполненного рисками бытия.

Первый параграф «Особенности жизненного мира в обществе риска».

Поскольку ценностный аспект является важной составляющей жизненного мира, то в обществе риска сам риск становится ценностью для жизненного мира индивида. Безопасность жизни является одной из важнейших ценностей индивидуального бытия. Происходит разновекторная трансформация ценностей человека. Стремление к новым ценностям, и одновременно необыкновенная тяга к таким традиционным ценностям, как дом, семья, честность, милосердие, возникает в регионах с особой рискогенной ситуацией.

В основе направленности действий в жизненном мире, как мире повседневности, лежит понимание мотива. Если в традиционном обществе мотивом служило стремление сохранить жизнь, в индустриальном обществе – облегчить условия существования, то в обществе риска мотивом выступает

¹⁵ Тишкова Н. Ю. Доверие как феномен жизненного мира: Диссертация кандидата философских наук. Владивосток, 2002.

¹⁶ Ставицкий А.В. Социально-политический миф и проблема отношения к нему в современной науке /А.В.Ставицкий // Культура народов Причерноморья. - Симферополь, 2002. - № 35. - С. 135-137. с. 137.

улучшение качества жизни и её продление. Также в условиях рискованной деятельности мотивация заключается в получении выгоды или снижении негативных последствий этой деятельности.

Во временном аспекте жизненный мир направлен на будущее: прошедшие события подвергаются тщательному анализу для того, чтобы предугадать, минимизировать риск или его использовать. В пространственном аспекте, в результате глобализационных процессов, жизненный мир, с одной стороны, расширяет свои границы, а, с другой стороны, появляется зажатость и неуютность жизненного пространства индивида, порождающая социальную отчужденность¹⁷. Расширение границ происходит за счет технологических достижений науки и средств массовой коммуникации. Человек получил свободу передвижений в физическом и виртуальном пространствах. Но одновременно, глобализационная «вездесущность», появление доступа к личной информации, провоцируют риски утраты прежней идентичности, ценностей, приобретенных в традиционном и индустриальном обществах. В жизненном мире человека общества риска возможно неприятие риска, борьба с порядком, установленным с целью контроля риска. Еще одной характерной чертой является внутренняя напряженность жизненного мира. Обилие информации, которую человек не успевает систематизировать и перерабатывать, переполняет жизненный мир. Информационная нагруженность приводит к тому, что необходимая информация может не дойти до получателя в нужный момент, что создает благоприятную среду для риска. Человек ищет риски там, где их нет, и где они минимальны. У некоторых индивидов происходит слияние реального и виртуального жизненных миров, и чаще всего на втором плане оказывается реальный мир, вытесненный виртуальным. Подобно людям, страдающим диссоциативным расстройством идентичности, у некоторых современных виртуализированных индивидов существуют две или более самоидентичности, одна из которых пребывает в реальном жизненном мире, а другие в виртуальном. При этом реальная личность может быть отнесена к «нежелательным» и вытеснена виртуальной.

Одной из фундаментальных категорий жизненного мира является доверие, как доверие явлениям окружающей действительности, так и доверие между индивидами. Рипперберг предложил следующее определение доверия: «доверие – это рискованный аванс, отказ от взаимного внешнего контроля и защиты от оппортунистического (беспринципного) поведения в надежде, что другой человек, несмотря на отсутствие таких защит, не будет этим пользоваться»¹⁸ В обществе риска доверие уже проходит через призму проверки техникой, на интуицию все меньше полагаются при просчитывании возможных исходов рискованных ситуаций.

¹⁷ Устьянцев В.Б. Динамика жизненного пространства личности в обществе риска//Аспирантский вестник Поволжья, № 3 – 4,с.161.

¹⁸ Геберт Д., Розенштиль Л. Организационная психология. Человек и организация./ пер. с нем. Хабаровск: Изд-во Гуманитарный Центр, 2006, С. 237.

Второй параграф «Жизненный мир в мифологемах общества риска»

Структурная единица мифа – мифологема – на данный момент не имеет единого определения в культурологии и литературоведении, но впервые этот термин был употреблен К.Г. Юнгом. Мифологема представляет собой, с одной стороны, мифологическую почву, состоящую из универсальных сюжетов, сцен, образов, а, с другой, основу для образования нового мифологического материала.¹⁹

Современный индивид, окутанный Всемирной паутиной, находится в зависимости от нее. Можно сказать, что Интернет похож на древнегреческую богиню судьбы Мойру, прядущую нить судьбы, и если эта нить обрывается, то виртуальная личность человека погибает. Изъятый из глобальной сети человек теряет часть себя, испытывает колоссальный дискомфорт, а в некоторых случаях это приводит и к психическим расстройствам. Каждый современный «гаджет», обладающий определенными техническими характеристиками является проводником или даже своеобразной осью мира, соединяющей реальный и виртуальный миры. Любой индивид имеет возможность быстрого перехода из одного мира в другой. И тут, как и в традиционной мифологии, возникает опасность невозможности возвращения из альтернативного мира, а в нашем случае из виртуального. Лисенкова А.А. и Тульчинский Г.Л.²⁰ утверждают, что «цифровое пространство является пространством мифов, а цифровая реальность не виртуальна, а реальна и является дополнением к реальной повседневности». Виртуальная реальность более комфортна для существования, поэтому она подменяет собой обычную реальность. В Интернете любой индивид наделяется большими возможностями, способностью созидать и разрушать, он может сконструировать образ, обладающий всеми необходимыми качествами. Нагляднее всего это проявляется в профилях (индивидуальных страницах) пользователей социальных сетей, а также при создании персонажей в онлайн – играх. В социальной сети: идеальная фотография, описание наилучших качеств, историография идеальной жизни, обмен текстовыми сообщениями, в которых можно продумать каждое слово. Так появляются множественные полубоги и полубогини – дети реальных людей и Всемирной сети. В онлайн – игре: персонаж, обладающий необходимыми параметрами роста и веса, имеет импонирующий создателю облик, обладает определенной физической силой и магическими способностями. Такие воплощения являются мифоспособом вживания в окружающую действительность. По мнению Лисенковой А.А. и Тульчинского Г.Л., индивид сам становится мифом в мировой сети.²¹

В цифровом пространстве общества риска обитают мифологические герои, бьющиеся за правду, а иногда и борющиеся с самой правдой, но в

¹⁹ Кобылко Н.А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). – Уфа: Лето, 2014. С. 4.

²⁰ Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. №4 (26).С. 28 – 39.

²¹ Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. 2017. №4 (26).С. 29.

большинстве случаев они сражаются со скукой. Это «герои – шоумены». Ими восхищаются юные девы, им завидуют юноши, хотят быть на них похожими. При помощи цифрового пространства они передают наполненность каждого своего дня широкой публике. В начале XX века они не вызвали бы ни у кого интереса, и остались бы бесславными. Также существуют «герои повседневности», борющиеся с несправедливостью, преследующей нас во многих жизненных ситуациях каждый день. О подвигах создается видео - отчет и ведется повествование в социальных сетях. В некоторых видео – отчетах раскрывается понятие морали и категория добра. Таковы «герои нашего времени».

Жизненный мир, отраженный в цифрах, наиболее ярко подтверждает свою характеристику принадлежности одному индивиду и всем одновременно. Он мой личный и всеобщий. При помощи цифровых технологий каждый может увидеть мир моими глазами, ощутить мои переживания, познать «изнанку», не в зависимости от желания переживающего, поскольку при открытости данных возникает всеобщая проблема их конфиденциальности. Жизненный мир общества риска, опирающегося на цифровые технологии, обладает следующими качествами: он сложный, наполнен техникой, прагматичен, более разнообразный, имеет свое альтер эго в виде виртуальной реальности, выражен в визуализированном слове, имеет текстовое отображение на цифровых носителях. При таких условиях жизненный мир еще более нуждается в мифе как конструкте знания, как форме текстового сообщения. За счет виртуальной реальности жизненный мир расширяет не только свои пространственные границы, но и временные, которые заключают в себе многовековой культурный опыт не одного, а нескольких обществ.

Цифровое пространство насыщено мифологемами, понимаемыми как устойчивые мифологические образы, к которым относятся: боги – творцы, полубоги виртуальной реальности, цифровые устройства, являющиеся проводниками между реальностями

Пытаясь уйти от бытовой рутинности, индивид находит спасение в мифе, в котором нет четких временных границ, а, следовательно, и нет историчности, строгой последовательности событий. В современном мире это действие осуществляется при помощи компьютера, компьютерных игр, и, в большей мере, с помощью глобальной сети Интернет, когда пользователь создает себе виртуальный образ, который может быть далек от реального образа, общается с виртуальными друзьями, которых может на самом деле никогда и не увидеть, играет в онлайн - игры, пребывая в комфортных для себя реальностях.

Третий параграф «Мифологизация как модифицирующий фактор жизненного мира в обществе риска».

Миф и жизненный мир взаимопроникают друг в друга, это соединение сакральной и профанной реальности. Миф являет себя частью жизненного мира индивида. Мифологизация жизненного мира имеет две стороны. С одной стороны, жизненный мир наполняется мифами, на поверхность

выходят архетипические образы. С другой, отрицательной стороны, современные мифы искажают реальность, совершают подмены образов. Современный человек скептически относится к феномену «доверия» и полагается только на такой окружающий его мир, который пропущен через призму проверки техникой. «Хотя нельзя сказать, что миф и жизненный мир идентичны друг другу, поскольку первый относится к священной, а второй - к профанной реальности»²², но миф проявляет себя в жизненном мире. Индивид старательно вписывает мифы в свою повседневную жизнь. Индивид создает миф о своем жизненном мире, что является характерной чертой для современного человека.

Охарактеризованная М. Хайдеггером сплетня как символ повседневности, в которой теряется личность, создает наслоение информации и является распространителем и внедрителем в общественное сознание новых мифов. А так же сплетня может стать катализатором, запускающим механизм творения мифов, поскольку в условиях дефицита информации возникает потребность заполнения пробелов.

Как сказал Ставицкий А.В.: «Наука и техника – наша жизнь, жизненный мир. Другого жизненного мира больше не существует»²³. Человек окружает себя техникой, пытаясь минимизировать одну из главных составляющих повседневности - риск. Если в классическом образе жизненного мира риск выступал в качестве аномалии, то сегодня риск оказывается вполне повседневным, повторяющимся, обычным явлением человеческой жизни. Риск как неизбежная составляющая деятельности, общения, поведения и сознания входит в неклассическую структуру жизненного мира, в котором это стимулирует развитие противоположной тенденции - усиление тяги к традиционным ценностям (дом, семья, нация, религия, патерналистское государство)²⁴. Из этого вытекает мифологизация риска - изменение отношения к ситуации с неизвестным исходом. Например: погружение в мир игр, мир виртуальной реальности, проживание чужой жизни, которую невозможно воплотить в реальность приводит к тому, что человек «нерискованно рискует». Появляется ощущение «легкого риска», не причиняющего вреда. Такой риск может принести вред лишь виртуальной личности, виртуальной жизни. Возникает эффект контролируемого риска, риска, который можно в необходимый момент остановить. Изменяется отношение к риску как неопределенности, возможной потери, неудачи, в ситуацию с предугадываемым финалом. Рискованную виртуальную ситуацию можно прервать. От этого риска (можно сказать предугаданного риска) нельзя что - либо потерять, потому что, по сути, терять нечего. Раздвоение жизненного мира на мир реальный и виртуальный, которое

²² Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика` 1996. С. 252.

²³ Мюнх Р. Диалектика и динамика развития глобального информационного пространства. Социология на пороге XXI века: новые направления исследований.-М., 1998. - С.26.

²⁴ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка М.:Канон +, 2008. - 437 С.

можно преодолеть при помощи мифа, выполняющего соединительную функцию.

Современное поколение, выросшее на компьютерных играх и мультфильмах, пропагандирующих жестокость, скрытое насилие и обесценивание человеческой жизни, сформировали свой жизненный мир, в котором присутствует лже – миф бессмертия, ощущение вседозволенности, всеисилия, которые присущи греческим богам.

В Заключении подводятся итоги исследования, формулируются выводы и раскрываются возможные перспективы дальнейших научных изысканий.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных публикациях автора:

1. Артамонова, А.О. Мифологическая и научная картины мира/А.О.Артамонова// Научно-образовательное пространство университета в XXI веке. Сборник научных статей. Под редакцией., д.ф.н. М.О.Орлова. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2011. – 262с. –С.75-76.

2. Артамонова, А.О. Роль мифа в становлении профессиональной личности/А.О.Артамонова// Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты): материалы международной научно-практической конференции 10-11 апреля 2011 года. – Пенза – Ереван – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 266с. – С.98-100.

3. Артамонова А.О., Молчанов А.В. Миф как единственная реальность/А.О. Артамонова, А.В.Молчанов// Современные тенденции общественных наук: политология, социология, философия: материалы международной заочной научно-практической конференции. (25 апреля 2011 г.) – Новосибирск: Изд. «ЭНСКЕ», 2011. С.6-12.

4. Печилина А.О. Мифологизация жизненного мира/А.О.Печилина // Диалог культур в глобальном обществе риска / Под ред. проф. д.ф.н. М. О. Орлова. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2013 –226 с. – С. 163-166.

5. Печилина, А.О. Миф о философии/А.О.Печилина// Философия в современном мире: сборник научных статей/ Под ред.доц.д.ф.М.А.Богатова. М.: Скимен, 2019. – 63 с. – С. 39 - 43.

6. Печилина, А.О. Мифологемы цифрового общества/А.О.Печилина/ Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам: «Человек в цифровом пространстве: онтология участия и культура взаимодействия»

7. Печилина А.О. Жизненный мир общества риска/Шестнадцатые межрегиональные образовательные Пименовские чтения